

БЕЛАЯ СОГРА

В ЛЮБВИ,
КАК И В СМЕРТИ,
ЧЕЛОВЕК
БЕЗЗАЩИТЕН

ИРИНА БОГАТЫРЕВА

Ирина Сергеевна Богатырева

Белая Согра

Серия «Этническое фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55895258
Белая Согра / Ирина Богатырева: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113679-6

Аннотация

Так начинаются многие сказки: матушка умерла, мужик взял в дом мачеху, а та невзлюбила падчерицу, отправила её к своей тётке – бабе-яге...

Но Жу, с которой случилось то же самое, не уверена, что попала в сказку. Деревня, в которой она оказалась, – богом забытое место где-то на Севере, где никогда не заходит солнце, вокруг леса и болота, и телефон здесь не ловит. Здесь совершенно нечем заняться, а у местных старух непонятный говор и только и разговоров, что о порче да покойниках, которые приходят к живым, о домовых и непонятной травине, которая помогает найти потерявшихся людей, но сорвать её сложно: растёт она в далёкой согре и охраняет её нечистая сила.

Впрочем, Жу всё это не интересно. С тех пор как не стало мамы, ей сложно общаться с людьми. За неё это делает внутренний брат-близнец, про которого Жу начинает думать, что это и есть она сама. Быть мальчиком или девочкой, жить в городе

или в деревне, что-то делать или не делать совсем ничего – с недавних пор Жу всё неважно. Однако с того дня, как местная колдунья в сердцах сказала «понеси тебя леший» и Жу канула в болотистых лесах с братом, а вышла уже одна, – с этого дня ей приходится учиться жить заново, слушать старух и понимать, что же они рассказывают о силах, живущих в окрестных болотах, и о том, как с ними обращаться. Только так она может понять что-то и про саму себя.

Содержание

Часть 1	7
Шапка-невидимка	11
Дом на горушке	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ирина Богатырева

Белая Согра

Настоящая словесная живопись, втягивающая в северный сельский пейзаж, который вдруг раздвигается над нами, как собор из сосен и облаков. Двойное зрение – главная интрига романа, в котором не верь глазам своим. Мы вступаем в мир, где опрокинуты границы женского и мужского, предметного и незримого, колдовского и обиходного, злокозненного и целительного. И именно в таком мире у нас есть шанс принять себя и свою жизнь во всей полноте.

Валерия Пустовая

В романе «Белая Согра» Ирина Богатырёва вводит читателя в непонятный, богатый и очень живой мир, в котором нужно разбираться, в который нужно вслушиваться и вчувствоваться. Иногда для этого начинаешь читать «Белую Согру» себе вслух, чтобы насладиться голосами, звучащими в ней. Этот «затерянный мир» в отличие от конан-дойлевского реален и доступен каждому, но исчезает на наших глазах.

Илья Кочергин

Этот роман о становлении личности девочки-тинейджера, о социально-психологических аспектах гендерной самоидентификации. Сюжет романа –

преодоление духовной самоизоляции, обретение необходимого *другого* не в фантазиях, а в реальном общении с людьми, в соприкосновении с природой. Динамичное, захватывающее повествование. Читатель ждет: что будет дальше со странной девочкой Жу? И с какого-то момента начинает по-новому размышлять на вечную тему: а что будет со мной, что будет со всеми?

Ольга Новикова, журнал «Новый мир»

Часть 1

Брат

Лес, всё лес.

Но кровь возвращается в голову, и надо проснуться.

Хотя не хочется. Ужасно не хочется. Вдруг откроешь глаза – а вокруг по-прежнему он: лес. Пока не открываешь, можно думать, что его нет. Просто холодно. Просто сыро. Но не лес. А откроешь – и от него уже не уйти. Из него не выйти.

А говорили: если заблудитесь, не мельтешите. Сидите на месте, берегите силы. Вас найдут, говорили. А будете бегать – это сложнее.

Беречь уже нечего, Жу поэтому и сидит. Спички были бы или зажигалка, огонь сделать. Согреться, дать о себе знать. Но Жу не курит – откуда же спички, откуда зажигалка? Выйдет – если выйдет – набьёт ими все карманы: одежды, рюкзака, всего. И будет говорить каждому: носите с собой спички, носите зажигалку, не курите – всё равно носите.

Потому что кругом лес, и только так вас найдут.

А всё-таки интересно, был он вчера или нет? Тот дед. Может, не вчера, но был ли. Такой настоящий. И пахло от него табаком. Высокий только больно и тощий. Или показалось? Одет странно. Впрочем, как ещё он мог быть одет? Сапоги, телогрейка. Может, рабочий? Дорогу строят где-то, а он – за

годами. Дал горсть клюквы. Сушёной. Вкус до сих пор во рту. Дал ягод и сказал: «Сиди тут». Нет, он сказал не так, но неважно, главное: сиди тут. Жу и сидит. Воду пьёт из болота. Вот оно, болото. Тут. Или там. Неважно. Главное: сиди и не бегай, тебя найдут. Дед сказал. Нет, не сказал – промычал. Глухонемой? Неважно. Вообще всё неважно.

Лес, всё лес. Белый мох стелется по корням сосен. Они вырастают из него – чёрные, прямые. Белое и чёрное. И воздух белёсый. День сейчас или ночь? Кто скажет в этом краю. В голове мешается, и не понять – это день или ночь, это туман или сумерки. Это мох белый, или иней, или роса на траве.

А красиво. Хоть и странно, что можно ещё об этом думать. Можно это замечать. Белое, искристое. Клубится, стелется. Только холодно. Только сыро.

И тут что-то шевелится рядом. А потом рычит.

Любопытство зажглось в мозгу не сразу. Сначала кровь вернулась в голову – значит, опять был сон. И это белёсое перед глазами снится, держится картинкой на сетчатке глаз. А откроешь – картинка та же. То же белое. Тот же лес.

И ещё сапоги.

И рычит.

Повернуть голову не удаётся. Пошевелиться – больно. Как же, оказывается, затекли ноги! Заныло, потянуло, повело тело – и выпросталось из-под куртки. Завалилось на бок и развернулось, как ёж в воде. Перевернулось навзничь. Запроки-

нулась голова.

Дед. Тот же самый. Стоит и глядит злобно. И рычит.

– Ы! Ы-ы!

Жу пробует шевельнуться – не получается. Хоть бы помог, а то только стоит.

– Ыды!

Вдруг у него в руках – какой-то куст, разлапистая травина, падает на лицо, но прежде, чем ухнула на глаза, Жу успевает закрыться ладонями.

Их обожгло, будто крапивой.

– Ыды!

Жу скребёт ногами, пытается перевернуться. Ползёт на боку, на животе. Отворачивается, чтоб не попасть снова под жгучую травину.

– Ыды! Ы-ды! – Она падает на плечи, на спину, задевает по шее – прижигает кожу.

Кричать сил нет, но подняться на четвереньки – появились. Жу ползёт, как зверь, всё вырастая и вырастая, цепляясь за стволы, за сосны, – кровь побежала, ноги держат.

Наконец, встает.

Дед сзади. Высокий, худой. Из бороды – оскал, блестит глазами. Кожа тёмная, морщины – как кора.

– Ы-ы! Ы-ы!

Да иду я. Иду.

И правда – идёт. А он сзади, неотступно. В руках – травина. Ладони до сих пор жжёт, а ему хоть бы хны. Только

помахивает. Скотина я тебе, что ли? Корова?

– Ы-ы!

Куда хоть? Туда? Или туда? Сам-то знаешь?

Но он как будто не думает. Не замечает дорогу. Просто гонит вперёд. В глазах – остервенение. Разве так находят в лесу заблудших?

Страх не проснулся. Для страха нет сил. Только на то, чтобы двигаться. Сзади – шаги, впереди – лес. Ыды!

И ничего не расступилось. Никакого не появилось про света. Наоборот: сосны как будто гуще, через заросли кустов приходится продираться – сначала Жу, потом дед со своей травинкой. Жу ложится всем телом на ветки. Дед идёт, будто ничего нет вокруг.

Но наконец лес зажмурился, напрягся – и с шумом выплюнул Жу.

И сразу всё стало видно – вон холм, под которым Овечий ручей, вон магазин, перекрёсток, речка. Церковь.

А за тем поворотом – желтеет крыша дома бабы Манефы.

И больше уже не лес вокруг. Не лес.

Шапка-невидимка

«Всё это нормально для нашего возраста. Важно не то, что ты чувствуешь, а то, что делаешь, чтобы из этого стояния выйти».

Сообщение не отправлено.

Сети нет. Ну, и интернета, соответственно. Долго держался, но как свернули с асфальта, да запрыгали по колдобинам, да потемнело в машине от обступившего леса, – тут-то он и пропал. Не выдержал.

Ravel будет в недоумении. Будет уверен, что это от его нитья Ju покинул переписку. Покинул сеть. Да и вообще всё покинул. Сколько они ещё не объявятся в сети? Даже представить страшно.

– Не ловит? А тут никогда не ловит, – услужливо говорит водитель. Он уже давно поглядывал на манипуляции Жу с телефоном. – У них тут вышка не добивает. За горкой живут, дак. Есть одна точка, на лысине, там вот ловит. Если ветер попутный. Туда и ходят все. Иной день едешь – вереницей топают бабки, как раньше на телеграф. А так-то и сотовые не у всех есть. Им зачем? У них дома телефоны, ещё при советской власти устанавливали. А че, не глухой угол, какая-никакая цивилизация.

Вот так отец им сюда и звонил – по телефону. Обычному. Домашнему. «Цивилизация!» – брат фыркает. Отворачива-

ется. Пялится в окно.

Водитель что-то продолжает бубнить, Жу не слушает. Водитель любит поговорить. Раньше спасал телефон, но теперь ничего не закрывает от этой навязчивости. Взгляд блуждает по салону, по бордовой обивке. Старый «Жигуль», внутри всё в засаленном бархате, бордовая бахрома болтается с потолка по всему периметру. Как в гробу, думает Жу. Голова-стая собака на панели под лобовым стеклом неистово качает башкой, соглашаясь со всем, о чём ни подумаешь.

– Тут лесопункты всё, лесопункты кругом, люди такие, знаешь... Всякие.

Жу кивает, типа знает, хотя не знает ничего, – а взгляд падает за окно.

Там лес.

Сплошной лес.

Частоколом вырастают сосны. Белый мох стелется по корням. Лес беспросветный, какой-то, жуткий. Как трёп водителя.

«Уезжаю в ссылку. Отец сослал», – это было последнее, что написали они с братом закадычному другу. Нет, не Паше, его читали по диагонали, он только ныть умеет о том, как ему тяжело живётся. Настоящему другу, чьи сообщения всегда ждут с трепетом – и кто писал всё реже и реже. Можно сказать, практически уже не писал.

Нет, неправда: брату он писать продолжал. Только брату до него пофигу. А вот Жу – нет. Может, поэтому он Жу

больше и не пишет. Конечно, зачем писать непонятно кому, кто фоток своих не постит, ничего о себе не рассказывает и только жалуется на жизнь. Как Паша.

Жу закрывает глаза.

– Ещё поселения раньше были. Всяких селили, и политических, и разных. Поляки там, немцы. Я не застал, врать не буду. Я сам вообще не тутошний, с Вологды, но бабка у меня с этих краёв, вон там жила, деревня была, Холмы, её нету уже, деревни. Так меня к ней, бывало, на всё лето – шу! – и ссылали.

Водитель смеётся. Жу открывает глаза, смотрит на него – так легче, с закрытыми аж гудит в голове от его голоса.

– Тебя-то сюда как занесло? – Водитель чувствует взгляд, оборачивается. – Тоже того – к бабушке, отъедаться? – Подмигивает Жу.

– Как пойдёт, – отвечает Жу неопределённо.

– Куда пойдёт-то? – парирует водитель и смеётся. – Тут ходить некуда. Ехать – это да, но это по моей части. Ты, вот что. – Он вдруг опускает козырёк, ищет что-то за обивкой. – Будешь жить тута, особо не того, на дорогу не суйся, мало ли народу всякого. На-ко вот, – достает свою визитку и протягивает Жу. – Номер возьми, звони, если что. А то был у нас тут один случай. Давно уже, но всё-таки. Ездил, знаешь, расконвоированный, с зоны. Машина у него такая была, ас-сенизатор. Ну, это самое возил, короче. И что? Девочек молодых, кто на дороге стоит, подбирал, короче, и того. Всякое.

А потом убивал. И в лесу где подзакапывал. Много их пропало, что ты! И молоденьких самых девчонок, школьниц. А что, автобусов нет, а ехать как-то надо. Вот они на дорогу выйдут, на остановке встанут. А он такой был, видать, втирался в доверие, уж я не знаю. И всё.

– И что?

– И всё. Не, его поймали потом, ты не думай. Но всё равно. Приятного мало, согласишься.

Жу без охоты соглашается.

Брат вдруг пихает в бок и кивает в окно – там, в глубине леса, меж стволами, как меж колоннами, мелькают оградки, памятники, кресты, яркие цветы, так что и издали ясно – они неживые.

Кладбище. В сердце похолодело.

– А, это здешнее буево, – говорит водитель, проследив взгляд Жу. – Не знаешь такого? Ну, погост, буево. У нас много всяких словечек интересных, наслушаешься ещё, – усмеяется. И тут же продолжает совершенно серьёзно: – Тут, говорят, могила одна есть – ведьмы. На ней фотография такая, как с помехами. Ходишь иной раз, смотришь. Все нормальные, нормальные, а потом бац – она. Как будто через рябь. Видно, и с того света колдует, короче!

Яркие пятна цветов помаячили, помаячили – и опрокинулись назад в общий зелёно-белёсый фон.

– А вот и оно, Согрино твоё. Приехали, – говорит водитель, и лес расступается как бы нехотя, дорога ухает вниз, и

машина вместе с ней, так что подкатывает к горлу, но уже выезжают на улицу, домики с обеих сторон, а наперерез – мягкий изгиб тёмной воды.

Река нырнула под мост – и течёт с другой стороны, охватывает деревню полукругом. Рядом с мостом – купол, каменная церковь, колокольня тянется наверх, выше всех крыш. Старая, сразу видно. И тяжёлое небо над всем. Тёмное, мрачное. Только не свинцовым одеялом, как в городе, а настоящей громадой, небесной архитектурой – тучи нависают и над рекой, и над церковью, и над улочками села, тугие, сизые, а сверху над ними высятся более светлые, но не менее объёмные, дутые. И что-то там ещё кипит, бурлит, перетекает одно в другое, так что кажется, сверху больше движения, чем внизу.

Проще говоря, внизу вообще никакого движения. Машина одна летит по улице, подпрыгивая на колдобинах, и не видно ни человека, ни собаки. Пустая деревня, закрытые калитки, запертые ворота. Ни курицы какой. Ни кошки. Ни души.

Когда дорога заложила крюк, огибая совсем уж заросшую халупу – мелькнул в зарослях крапивы и борщевика обглоданный временем остов дома с просевшей крышей, – из-за поворота на полной скорости вылетает огромный, ярко-рыжий лесовоз и несётся на холм, оставляя после себя шлейф пыли.

– Ядрёны пассатижи! – Водитель выворачивает руль впра-

во, машина виляет, Жу падает. Телефон с грохотом летит из рук. – Лесопунктовские, так бы их об колено! – орёт водитель. – Отморозки!

Жу шарит руками по полу. Телефон хоть и бесполезный, но свой.

– Улетел? – спрашивает водитель. – Под коврик смотри.

Жу приподнимает коврик – и правда, там. Достав, по привычке освещает экран – связи нет, как не было. Остальное вроде нормально.

Хотя что может быть нормально без связи?

И тут водила жмёт тормоз.

– Всё, приехали.

– Куда? – Жу поднимает глаза от телефона. За окном – непонятно что. То есть нет, понятно, конечно: вон крыша, вон старая покосившаяся калитка. Дом, а перед ним всё заросло – кусты, деревья.

И мрачное тяжёлое небо. Того и гляди – дождь.

– Вы уверены, что это здесь?

– Тут, тут. Карелины твои. Старуха она, правда, совсем. Так что ты давай, держись. Они же тут, знаешь, все малость того.

Чего *того*, не уточняет. Жу пожимает плечами. Про них с братом тоже считается, что *того*. Но брат делает большие глаза: спроси! Жу отмахивается – да ладно. Спроси! – кивает брат. Жу лезет в рюкзак, достаёт деньги.

– А чего – того? – спрашивает как бы невзначай, пока во-

дитель считает купюры.

– Да разное говорят. Что *знают* они тут. Ну, всякое.

Понятней не стало. Жу кивает. Брат пожимает плечами. Жу давит на ручку двери, но вылезать не хочется. Дом за окном выглядит нежилым и мрачным. Разве что чуть менее мрачным, чем тучи сверху. Но делать нечего – Жу вылезает и будто ныряет в холодный ветер. Сразу хочется залезть обратно в тёплый уютный салон автомобиля. Пусть и с трешовой бахромой от старых гардин. Как в гробу.

Брат кивает на рюкзак, и Жу достаёт оттуда красную вязаную шапочку. Как же правильно было взять её с собой! Натягивает на самые уши, нашивкой – на лоб. Сразу становится легче, а главное, тревога в груди сдувается.

– Шапка зачётная. – Водитель высовывается из машины, показывая большой палец.

– Отцовская.

И ничего, что они стянули её без спросу. Отцу она всё равно до зимы не понадобится, лыжная-то шапка. А здесь – в самый раз.

– Ладно, поехал. Ты это, звони, если что, – говорит водитель, хлопает дверцей и уезжает.

Жу смотрит на дом, на кривое крыльцо, которое выглядывает из бурьяна.

– Пошли, что ли? – спрашивает брат.

– Пошли, – кивает Жу, поворачивает шапку нашивкой на затылок и идёт к дому.

Дом кривой, дверь повело, порог просел. Дерево старое.

Нет, здесь никто не живёт. Не может жить. С наличников облупилась краска. За маленькими стёклами окон пылятся разлапистые цветы, тоже как будто давно неживые.

– И долго ты так собираешься торчать? – спрашивает брат. – Или на улице жить будем?

Этот дом заколдованный. Я войду туда и попаду в другой мир.

Жу закрывает глаза. Открывает глаза. Смотрит на дом. Дом на Жу не смотрит. Брат смело топает к двери. Вот пусть и идёт туда один. Но Жу знает, что брат один не войдёт. Только вместе, везде и всегда вместе. Жу вздыхает и толкает дверь.

Пахнет сыростью и гниющим деревом. И ещё чем-то, Жу не знает таких слов. И очень темно. Жу делает шаг и спотыкается обо что-то – ступенька.

– Здравствуйте! Можно войти? – кричит, выставя перед собой вслепую руку, дабы не нарваться ненароком на стену.

– Она глухая, тебе же сказали, – ворчит брат.

– И что теперь?

– Заходи и всё. Тебе же сказали: просто входи.

Осталось понять куда.

Жу шоркает ногами, отыскивая ступени, машет руками, ощупывая пространство. Ступенек оказывается всего две, а под рукой возникает дверь. Мягкая, обитая дерматином. Жу

давит, и дверь поддаётся.

Яркий свет режет глаза.

– Здравствуйте! – кричит Жу, когда свет выхватывает очертания комнаты, стола в центре, кровати у стены. У двери – печь. Жу не сразу понимает, что это, только когда чувствует тепло, оборачивается и осознаёт: да, это не громоздкий шкаф, а печь, белый, шершавый бок.

От неё жарко. Жу стягивает с головы шапку.

И тут же слышит голос:

– Лен, ты?

На кровати шевелятся – проявляется из вороха тряпок белое сморщенное личико. Белые тонкие пальцы поправляют платок. Крючковатый нос, впалые глаза. Тёмные, почти ничего не видят. Баба-яга как она есть. Фу-фу-фу, русским духом – и всё такое. Даже брат обалдевает, видя это.

– Кто здесь? – пугается старуха.

– Здравствуйте! – орёт Жу как можно дружелюбнее. – Я Женя! Женя Мер... – хочет представиться полностью, но бабка перебивает:

– Женя? Какой ещё Женя?

– Женя... – но договорить она не даёт:

– Васькин, что ли?

– Да нет! Я...

– А, Светы Трофимовой?

– Нет! Я из города! Меня Марина...

– Из города? Какого города? – произносит она, сильно

окая.

– Вам должны были звонить! Что я приеду! Марина...

– Кто звонить? У меня и телефона-то нету. Я всё прошу, поцинните, уж сколько времени, да никак, – говорит она. – После грозы, от как гроза была – оборвало и усё. И сколько просила: «Поцинните!» Не у меня же одной. А, так это, можот, ремонт, а? – вдруг ахает старуха с надеждой и сползает с кровати, делает шаг к Жу, заглядывает в глаза.

– У, – брат качает головой. Жу чувствует, что тревога снова вспухает в груди. Стоять рядом со старухой жутко, её глазки буравят неприятно. Хоть и слепые почти, а всё равно – жутковатые глазки.

– Я не из ремонта! Я из города! Меня прислали, вам должны были сказать! – продолжает орать Жу, хоть старуха стоит теперь вплотную.

– Можот, Ленке сказали, а? Ленке!

Жу пожимает плечами. Почему Ленке, какой ещё Ленке? В голове мешается, и тревога растёт, а Жу боится собственной тревоги – если она вырастет, если лопнет, будет плохо, случится припадок, а это очень, очень нехорошо. Жу боится своих припадков.

Смотрит на брата – нет, не так, хватается за него глазами, требуя помощи, требуя поддержки. Брат пожимает плечами. Он тоже обескуражен, но подмигивает: не дрейфь, всё будет путём! Жу старается улыбнуться.

– А цего надо-ть? Цего приехал? – спрашивает старуха.

Жу только сейчас замечает, что она не только окает, но ещё и цекает – *ч* произносит как *ц*, и это очень чудно звучит.

– Да как чего? Жить. – Жу понимает, что это звучит нелепо, но не знает, что ещё сказать. Зачем их отправили сюда, выслали, сослали. Зачем они здесь.

– А? Цего? Громче, я глуха, милой!

– Жить! – орёт Жу так, что в дверцах буфета звенит стекло, а брат морщится и закрывает уши.

И как будто этим криком от окна сдувает чьё-то лицо (только тут Жу соображает, что оно там было) – и кто-то гремит по ступенькам за дверью, а потом она распаивается, и на пороге появляется тётка в тёплой шерстяной кофте.

Жу инстинктивно вытягивается от испуга.

– Встать! Суд идёт! – язвит брат, но тётка на них не смотрит – она прыгает к бабке.

– Лена? Лена, ты? – бормочет старуха дрожащим голосом, словно тётка явилась её спасать, словно Жу с братом били её и пытали.

– Я! Что такое, смотрю, это кто ж приехал? В «Берёзке» была как раз, говорю Маринке: ты смотри, кто-то незнакомый к нашей баушке на машине подкатил! Она-то: можот, собес? А я: чай, собес на такси не поедут, – гремит Ленка так, что стёкла в шкафу продолжают дребезжать, и тараторит с такой скоростью, что Жу за ней не успевает.

Зато старуха всё слышит, и на лице у неё детское выраже-

ние радости.

– На такси? – Она цокает языком и качает головой с удивлением, морщины расползаются в улыбку.

– Но, на Митьке Колтышеве. Ты же на Митьке Колтышеве приехала? – говорит Ленка и впервые смотрит на Жу прямо. И тут же как будто спотыкается, поправляется: – Приехал.

Жу пожимает плечами: водитель не представился.

– На ём, на ком же ошшо-то. – Ленке и не нужен ответ. – Шестёра у него цвета баклажан.

– Баклажан, – старуха опять качает головой со значением.

– Ну, дак. Фиолетовый с продрисью! – говорит Ленка и гогочет над своей шуткой басом, а старуха хихикает мелко, как будто рассыпает горох. Жу переводит глаза с одной на другую, уже ничего не соображая, в голове шум.

– Ну, я говорю, значит, Маринке: ктой-то приехал? А она: не знай, дак, проверь. Ну, я и побежала.

– Баклажан... – продолжает бабка смаковать слово. – А что у Маринки-то?

– Колбасы брала, колбасы привезли к йим утром. Надо тебе?

– Да мне Марина небось припасёт. – Старуха жуёт губами и делает скорбное лицо. Как ребёнок, который боится, что ему не дадут вкусенького.

– Дак давай я схожу, пока она ошшо придёт до тебя! А я уж принесу мигом.

– Сходи, сходи. А Маринка тебе денег-то отдаст.

– Отдаст, не переживай, тётъ Толь.

Тётъ Толь? Стоп. Должно быть другое имя. Жу не помнит, но точно другое. Мужское имя «Толя» легко было бы запомнить.

– Дак ты чё, я не поняла, зачем прие... – оборачивается Ленка и смотрит на Жу, но не договаривает, так и не определившись, кто перед ней. Смотрит на голову – на плечи – на ноги, руки – быстро-быстро ощупывает Жу – и снова на лицо.

Жу не обращает внимания. Так всегда.

– Я из города, – говорит. – От Марины. Она звонила. Должна была звонить.

– Какой Марины? – спрашивает Ленка, но старуха перебивает:

– Она, можот, тебе звонила, Лен? Мне-то некуда, куда мне звонить?

– Да никто мне не звонил. Кака ошшо Марина?

– Марина дак... – говорит старуха.

– Из города, тётъ Толь! Твоя-то Марина чать не в городе!

– Не в городе, – понимает тётя Толя и теряется. – А как?

И тоже смотрит на Жу. А Жу – на них. И тоскливо становится, и тревога уже почти у горла.

Сейчас я тут свалюсь в припадке – вот будет весело... И кто такая Марина, я в жизни не объясню.

– У меня бумажка есть! – вдруг озаряет Жу. – Бумажка с именем. Куда мне надо. – Ныряет в рюкзак и роется, как

будто ищет документ, от которого зависит жизнь. – Мне Марина написала. Что меня ждут. Что встретят.

Вывхватывает бумажку и бессмысленно смотрит на неё. Потому что Марина – врач, и этим всё сказано. Что написано, Жу прочесть не в состоянии. Они с братом пробовали уже много раз – бесполезно. Зашифровано намертво.

– Вот. – Жу протягивает бумажку, но старуха шарахается от неё, как от огня.

– Да я ж безграмотна, господь с тобой, – бормочет, сжимаясь. – Я до третьего класса только – и всё. Ленка, процты!

– Дай сюда, чего там... – Ленка выхватывает из рук Жу бумажку, смотрит – и глаза у неё тоже становятся большими. Сразу понятно, что Марина – врач. Жу даже приятно, что она так надёжно умеет зашифровывать.

– Я же безграмотна, – продолжает старуха, как будто поймала своего конька. Ленка уткнулась в бумажку, даже к окну поближе подвинулась, чтобы лучше видеть. – Всю жизнь по лесу. На сплаве. Деревья сплавляли.

Жу смотрит на бабуку во все глаза. Сухая, как курага, маленькая бабулька. Где она – и где сплав. Или Жу не понимает чего-то?

– На Пуе, Пежме, на Шорокше, – перечисляет тем временем старуха имена местных рек. – С апреля, почитай. Мужики рубят, мы сплавляем. Сплавщицей работала, дак. С двенадцати годов.

– Челюсть лови, – шепчет брат. – Челюсть лови, потеря-

ешь.

– Так это... Как же... – Жу не знает, что сказать. Оборачивается на Ленку – та морщится, глядя в бумажку, поворачивает её и так, и эдак, перебирает губами, будто пробует буквы на вкус. Ей не до старухи и не до Жу.

– Тяжёлая ведь работа, – говорит брат.

– Тяжёлая ведь работа, – повторяет Жу, радуясь, что брат подсказал слова. Хотя какая это, к чёрту, работа, это же представить себе невозможно – чтобы лес сплавлять. Девчонке, младше, чем они с братом.

– Тяжёла, как не тяжёла, – кивает старуха. Глаза у неё запали, глазами она как будто там, в прошлом, а руки начинают перебирать концы косынки – страшные, узловатые, сухие руки. – И получали по четыреста грамм хлеба.

А, так это же война была, – догадывается Жу и успокаивается от этой мысли. Тогда всё понятно. И про лес, и про хлеб. Тогда всякое бывало, они читали. Читали и как-то привыкли к мысли, что да, тяжело, да, плохо, но ведь это давно, это не про них, это чужая судьба – так что считай, почти как бы и не было.

Но бабка – вот она, живая, настоящая, пусть и слепая-глухая, и руки у неё, как сучья, и лицо, как кора. И всё равно как-то странно думать о живом человеке, что всего этого, считай, как бы и не было.

Жу неудобно и душно. Как уйти отсюда? Сказать что-нибудь – и уйти. Только бумажку надо забрать. Они потеряют-

ся без этой бумажки.

– Дак Манефа же! – ахает вдруг Ленка, так что Жу подпрыгивает от неожиданности. Брат морщится. – Манефа написано!

– Манефа? – тянет старуха удивлённо. – Кака така Манефа?

– Дак у нас тут одна Манефа, тётъ Толь. Манефа Феофанна.

– Манефа Феофанна! – фыркает брат и начинает ржать. Жу смотрит на него скептически. Хочется сказать ему, что он дурак, но Жу держится. При чужих с братом разговаривать не стоит. При своих, впрочем, тоже.

– Манефа – это кто? – спрашивает Жу.

– Манефа Феофанна, живёт, да, – говорит старуха. – За речкой. На горушке.

– Но, – согласно кивает Ленка, тянет так странно, не то «но», не то «ну». Но слышно всё-таки «но». – За речкой, на горе, как пойдёшь. А тебе чего к ей?

– Так я...

– Из города он, говорит, – перебивает Жу старуха. Как будто это что-то может Ленке объяснить.

– Из города-то просто так не поедут, вот я и спрашиваю, чего надо, можот, я могу?

– Дак к тебе ж ездят. И из города, и всяко.

– Но, ездят, – соглашается Ленка, и в голосе её слышится не то гордость, не то ревность. – Так а у Манефы чего?

– Да я же просто, мне сказали... – бормочет Жу, чувствуя, что начинает путаться. В голове совсем шумит от скорострельной Ленкиной речи и чудного их говора. Брат не вмешивается. Жу начинает злиться. Лучше бы вмешался, а то всегда так. Толку с тебя.

– А то смотри, если надо чего, урок там снять или пошептать, на хлеб ли, на воду, на молоко – это можно и ко мне, я всё делаю, – тараторит тем временем Ленка, и Жу не успевает даже сообразить – какой урок? Кому чего снять? – А сама-от взглянуть не могу, это не проси, вон, у меня глаз, вишь! – зелёный, а глазливый у кого чёрные, чёрные глаза, знаешь? – Она тычет себе в глаза и ширит их, оттягивая веко, позволяя Жу убедиться, что глаза не чёрные. Правда, и не зелёные, а так, непонятно какие. Но не чёрные – точно.

Нет, бежать, бежать отсюда!

– Дак можот ему не от призору, Лен? – говорит старуха.

– Не от призору? – удивляется Ленка. – А чего тогда?

– Я не знай. Но Манефа-то знающща, Люська передала ей, говорят.

– Люська не ей, Люська мне передала! – говорит Ленка, и видно, что её это задело.

– Цего-то тебе, а цего-то ей, – гнёт своё бабка.

– Да чего ей? Я же говорю: она не взяла, не взяла она, все знают, что не взяла!

– Знаете, я пойду, – говорит Жу и пятится к двери. – Мне надо найти Манефу, вы извините, я случайно...

– А, дак пропало, можот, цего? – вдруг осеняет Ленку. – Пропало – это да, это к ей.

– Цего? – переспрашивает старуха, не расслышав.

– Травина, говорю, у тётки Маруси есь! – кричит Ленка. – Мы сами у ей брали! У нас потерялся – помнишь, тётка Толь? – потерялся этот... Как его... самовар не самовар... Бочечка така, тушёнку делать.

– А, – тянет старуха. – Но.

– Скотина-то когда была, тушёнку сами делали, – говорит Ленка, оборачиваясь к Жу. – Бочечка была така, там включишь тен, и банки ставили с мясом. Поставишь часа на два, и тушёнка мясная получится у тя своя, в стеклянных банках. В общем, дали мы людям. А потом эту женщину я встретила, говорю: «А где, интересно, самовар-то? Неси самовар-от, давно унесла ведь». А она говорит: «А кто-то унёс, нету его». Вот я и пошла к тётке Марусе. К Манефе Феофанне. Пришла и сказала, что вот, у меня уташили. Она говорит: «Хорошо. Сделаем». И она мне дала травину: «Положи там, где была эта бочечка». Я говорю: «Я туда не положу, там общий коридор, вдруг кто-нибудь уташит, я потом... мне с тобой как рассчитываться-то?» Я положила, где мы в сарае раньше хранили эту вот... И обратно нам принесли! Принесли, вернули! Принесли, принесли, – твердит Ленка, как будто боится, что Жу не поверит. А Жу и не знает, верить или не верить, потому что не понимает ничего – какая бочечка, что и куда принесли...

Но спрашивает не это. Спрашивает почему-то другое, что меньше всего волнует в этот момент:

– Что за травина?

– Ворачивает, да, – кивает головой бабка, не слыша Жу. – Ворачивает усё, что украли.

– Да. Да-да-да-да-да, – тараторит Ленка, мелко кивая головой.

Чего да-то? Жу начинает злиться. А они как будто не слышат и слушать не хотят.

– Так что за травина? – переспрашивает громче.

– Да така проста травина, как дудка, – говорит Ленка и показывает руками с полметра. И ширит глаза. – И там полое место. А уж там чего дак, не знай – нельзя же разворачивать, то есть если развернёшь, уже больше никому не поможет.

– Разворачивать? Что разворачивать?

– Травину разворачивать нельзя, – объясняет Ленка. – Она завёрнута в марлю, да эту марлю открывать нельзя. Вот она, тётъ Маруся, знает свою травину, а нам уж если она даёт, шоб эту тряпочку мы не открывали.

– И правда, чего не понятного: травина в тряпочке, открывать нельзя... – Брат разводит руками. Жу потихоньку показывает ему кулак.

– Это всё люди такие... знающие, – бормочет старуха. – Знающие, но.

– Есть ведь, знашь, кто на хорошее, а кто на дурное, – продолжает тем временем Ленка, обращаясь к Жу. – Вот кто

призор снимает, а кто – ставит, – поясняет ситуацию. Ну, думает, что поясняет. Жу кивает. Не понимает, а скорее из вежливости. – Тебя-то зачем послали? Ты если что... ты ко мне... я ж тожо того... Но всё на добро, всё на добро, я на худо ни-ни, я не умею, не знаю, ни, тьфу-тьфу-тьфу. – Она быстро сплёвывает через левое плечо.

– Да нет же. Вы меня не поняли. Меня прислали. К Мане... Ну, короче, просто. Жить.

– Жить? – изумляется Ленка.

– Жить? – включается и старуха.

– Ну да. Марина – она... ну, я не знаю, кто она Манефе Феофа... но кто-то... в общем, типа... племянница? Внучка? Троюродная... А я...

– А ты тожо родня? – выдаёт Ленка, и глаза её становятся как будто ещё больше. И не только удивление – страх в них. Или это Жу кажется.

– Нет-нет! Ну, в смысле, не совсем так, чтобы... но в общем...

Уходим, – брат кивает на дверь. Прямо сейчас. Да Жу это и без него понимает.

– Да, мне пора. – Жу пятится к выходу. – Мне же ещё дом искать... Манефы Феокистовны... А вечер... скоро...

– Феофанны, Феофанны. Идём, покажу, куда ты, дожжь вон какой, ух, погода сей год!

Жу бросает взгляд за окно – а там и правда потемнело и полило плотно, без просвета. Но что делать – выходит и на

ошупь спускается по ступенькам, а Ленка, не переставая тараторить, выходит тоже, машет в сторону реки, объясняет, куда идти, где искать, а сама не сходит с крыльца, не суется под дождь, так и стоит, пока Жу не ныряет с последней ступеньки, как в реку, – и тогда голос Ленки гаснет, исчезает за толщей воды.

– Фух. Я уж думал, ты не уйдёшь оттуда никогда, – говорит брат. – Так и будешь там жить.

– Не дай бог, – бормочет Жу, втягивая голову в плечи.

– Погоди ещё, – усмехается брат. – Думаешь, там лучше будет?

Жу не отвечает и не оборачивается на него. Натягивает на голову шапку и поворачивает нашивкой назад, чтоб их никто не увидел.

Дом на горшке

Так их никто и не видел до самой горы, на которую махала Ленка, на которой дом за весёлым жёлтым забором, в котором калитки нет, а забор просто вдруг кончается, и к дому ведёт дорожка, выложенная древесными спилами, круглые такие, друг подле друга деревянные чурочки, а сам дом большой, но весь не разглядеть – прячется за кустами, которые поросли вокруг. Сирень.

Так их никто и не видел, и они сами никого не видели сквозь дождь, ни человека, ни животного, и только в последний момент, уже перед самым крыльцом – вдруг взрывается у ног воздух и заходится злобным лаем.

Жу отпрыгивает с дорожки, чувствуя, как ломает какие-то ветки, а сбоку рвётся, оглушительно лая, большой грязно-белый пёс, клыки торчат из оскаленной морды. Цепь через весь двор, конура – у забора. Умная скотина, подпустил к самому дому. Не сбежишь теперь – стоит на дорожке.

– Тихо. Тихо-тихо, – шепчет Жу еле слышно. Пёс не слышит за собственным лаем. Жу чувствует, как внутри всё обрывается с каждым его громогласным «бау!». Страх душит.

– Ну, ты чего! Крикни на него! Пусть заткнётся! Ничего он тебе не сделает, он же на цепи!

Брат раздаёт советы. Хорошо ему! Нет, Жу не дышит и не шевелится. Собака рычит, прыгает и целится в ноги. Если

цепь оборвётся, сожрёт.

– Ну, ты ничего не можешь сделать, чтобы себя защитить?! – Брат уже в отчаянии, а Жу даже ответить ему не в состоянии – как вдруг дверь грохочет, и из дома слышится окрик:

– Но, шали!

Дверь распахивается, но человека за нею ещё не видно, одна белая, полная, мягкая рука, а человек ещё стоит в темноте, щурится на свет, высматривая, есть ли тут кто-то.

Их глаза встречаются – человека и Жу. Белое, одутловатое лицо, в темноте за дверью маячит такое же большое и белое, как облако, тело.

Манефа. Манефа Феофановна. Жу понимает это сразу, только видит.

– А, приехала! – говорит та уже с другой интонацией и даже другим как будто голосом. – А чего Колька не подудел-то? Я б вышла, эт самое. Да заходи, заходи. Э, хорош брехать-то! Жучка, фу! – кричит Манефа на собаку, но не спускаясь со ступеньки, не выходя под дождь. На ней – большое платье, кофта, мягкие тапочки. Не хочется ей под дождь. Собака, видя хозяйку, давится лаем, повизгивает, виляет хвостом и задом – но стоит Жу мелькнуть из-за дородного тела, как снова звенит под дождём озлобленный лай. – Да заходи, – кивает Манефа. – Не угомонитси а то. Хорош, охранник!

Жу юркает за дверь – лай сразу обрывается, только цепь звенит, собака прыгает, требуя плату. За дверью – три сту-

пеньки наверх, деревянные, крашенные коричневой краской – и длинный коридор. Домотканые половички на полу. Что-то висит по стенам, что-то стоит у стены – Жу не воображает пока ничего. Только чувствует тепло. Кажется, сейчас от одежды пар пойдёт. Стаскивает с ног насквозь мокрые кеды. Пол в доме холодный.

– Приехала, а я жду, жду – нету. Куда, говорю, делась-то, это самое? Давно бы уже приехать.

Хозяйка закрывает за собой дверь и поднимается по ступенькам, опираясь рукой о стену. Ноги у неё слоновьи, представляет она их грузно, переваливаясь всей тяжестью с одной на другую. Даже смотреть на неё тяжело.

– Что, пúстом приехала?

– Как? – Жу вскидывает глаза. Опять встречаются взглядом, и снова странное, пронзительное чувство – как будто она внутрь заглядывает, и всё видит. И брата тоже. Жу неприятно от этого. Стягивает с головы красную шапку. Волосы падают по плечам, хозяйка как будто еле заметно кивает – и входит в другую дверь, справа от ступеней:

– Пустом, говорю, вещей совсем нету, самое это, – доносится оттуда.

Жу смотрит на брата, тот пожимает плечами.

– Да мне не надо ничего.

– Эко, не надо! На всё лето ведь. Ладно, что-нибудь найдём, шобол какой-нибудь, как холодно станет. – Хозяйка смеётся. Слышно, как кто-то в доме смеётся с ней тоже. –

Заходи, где ты там?

Жу кивает. Сейчас зайдёт. Никуда не денется. Хотя не хочется. Из-за раскрытой двери шпарит свет, а здесь, в коридоре, полумрак и запахи незнакомые. Не такие, как в первом доме, хотя что-то общее есть, но мягче, приятней. И сухой травой ещё пахнет, а это знакомо. И что-то висит по стенам, непонятные штуки неизвестного предназначения, при взгляде на них вертятся в голове какие-то *коромысла, повойники да рукомойники* – всё, что давно провалилось в небытие, одни слова остались, а тут вот оно, пожалуйста, – живёт себе и не знает, что время их вышло.

Хотя не факт, что вышло.

– Потеряласи? – Хозяйка выглядывает из-за двери, закрывая собой бьющий оттуда свет.

– Иду, – отзывается Жу и быстро поднимается по ступеням.

С потёмок глаза щиплет, а вокруг тикают ходики.

Это первое, что Жу понимает: тикают, громко, с прищёптыванием, раскачивая маятник и перемещая шестерёнки. Значит, время всё-таки здесь есть, другой вопрос – какое это время, и то ли это самое, в котором живёт Жу.

Глаза привыкают к свету, и проявляется комната, длинная, она упирается в стол и окно, слева от стола – трюмо, или как называется этот шкаф со стеклянными дверцами, как был у прошлой старухи? Печкин бок у входа. Жу даже

гладит его – тёплый, шершавый на ощупь. Жу хлопает носом.

– Замёрзла? – Хозяйка выходит из-за занавески, которая висит от бока печки до другой стены – там, наверное, ещё комната. Роняет под ноги Жу тапки. – Обуй-ка вот. Да к столу иди, чай пить с дороги.

И снова уходит за печь.

Жу смотрит на тапки – большущие, чёрные шлёпки с китайского рынка. У них дома таких даже для гостей нет. Жу смотрит на свои носки, на них лисы, на каждом носке – разные. Они бегают там. Прячутся от тапок.

Жу отодвигает тапки к стене и проходит к столу.

За столом сидит другая женщина, поменьше хозяйки. Она пьёт чай из блюдечка и не оборачивается на Жу. Ещё один стул стоит у окна, спиной к нему, на столе початая чашка чаю и обглодыш конфетки. Третий стул на углу. Жу садится на самый краешек, рюкзак жмётся к ногам, лисы прячутся за него. Жу кивает женщине. Та не обращает внимания, сосредоточенно дует на блюдечко. У неё миловидное лицо, мелкие черты, даже морщины мелкие, как будто их рисовали простым карандашом.

– Ты с конфетами пьёшь? Печенье вот. На-ко, не стесняйся.

Хозяйка говорит громко, одышливо. И тоже окает. Стоит посреди кухни, занимая всё пространство, так что ей труда не составляет взять с полки на стене чашку, а с тумбочки –

электрический чайник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.